

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ГЛОБИНА Людмила Викторовна

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПАРТИТИВНОЙ
ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

10.02.01 – русский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 1995

Отношения “часть – целое” охватывают объекты всех уровней сложности, организуя их в разнообразные многоступенчатые иерархии частей – целых, элементов – систем (структур). Следует, однако, отметить, что данные отношения обследованы совершенно недостаточно как в предметном плане, так и в планах понятийном и семантическом. Представляется целесообразным за основу терминологических обозначений взять серию предложенных М. В. Никитиным наименований, но в несколько трансформированном виде согласно нашим представлениям об объёме данных понятий. Так, общее обозначение отношения “часть – целое” может аккумулироваться в терминах *п а р т о н и м и я*, *п а р т о н и м и ч е с к и е* отношения, обозначение понятия и имени части целого – в термине *п а р т о н и м* (от лат. *pars, partis f* – часть). В зависимости от свойства части по отношению к целому партоним имеет три разновидности: *п а р т и н о м*, *п а р т и т и в* (сильные партонимы); *к о н г л о м е р а т и в* (слабый партоним).

Объектом настоящего диссертационного исследования является *п а р т и т и в н а я* лексика, которая объединена комплексом языковых характеристик, свидетельствующих о ее системной организации. Данная система включает круг субстантивных номинаций, имеющих идентификатор *часть целого* и структурированных по типу лексико-семантического поля.

Актуальность темы. Партитивные наименования частей целого в русском языке относятся к мало изученному пласту лексики. Это связано прежде всего с тем, что референты данных значений не являются объектами научного или профессионального познания и их существенные и отличительные признаки не анализируются, не выявляются ни в одной науке или сфере практической деятельности. Тем не менее лексика, обозначающая наименования частей целого, представляет научный интерес как реально существующий факт языка, требующий собственно лингвистического анализа.

Актуальность исследования определяется необходимостью всестороннего и глубокого анализа внутренних и внешних связей конститuentов отдельных микроучастков в составе макрополя русской лексики, так как только на основе целого ряда таких исследований можно сделать обобщение о состоянии лексико-семантической системы языка в целом. Одним из возможных путей изучения системных связей лексических единиц является вычленение семантических полей и определение их смысловой структуры.

Цель работы заключается в описании лексико-семантического поля партитивных субстантивных номинаций в современном русском языке.

Конкретные задачи исследования: 1) выявить инвариантные признаки, способствующие выделению анализируемой группы слов; 2) выяснить объём и границы ЛСП; 3) установить набор и иерархию семантических признаков, составляющих семантическую структуру партитивов; 4) определить структурное положение элементов в ЛСП; 5) проанализировать парадигматические отношения между элементами поля, выявить их синтагматические особенности, обусловленные семантической структурой, показать функциональные возможности партитивной лексики.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Идентификация партитивной лексики осуществляется через идентификатор *часть целого* в значении "отделенный или оставшийся в результате отделения от целого фрагмент, характеризующийся относительной самостоятельностью, незаконченностью и отсутствием собственной номинации до отделения". Совокупность сем, определяющих данное значение, продуцируется в инвариантном компоненте "партитивность", являющемся архисемой ЛСП партитивной лексики.

2. Лексико-семантическое поле партитивной лексики обладает структурой, которую можно эксплицировать в виде семантической модели, укладывающейся в рамки полевой концепции языка.

3. Синтагматический аспект полевой структуры, дополняя парадигматические структуральные параметры, позволяет адекватно описать ЛСП партитивной лексики как определенным образом структурированную систему: подгруппы лексической сочетаемости в рамках главной партитивной позиции "Партитив + Сущ. (род)" отражают парцеллярное распределение партитивной лексики; степень специализированности партитивного контекста определяет зонную организацию партитивов.

4. Лексико-семантическое поле партитивной лексики как один из фрагментов динамической структуры языка представляет собой систему связей "горизонтального" (внутриполевого) и "вертикального" (межполевого) характера, выявляющихся анализом семных модификаций значений партитивов в коммуникативном акте.

Материалом исследования послужили языковые единицы (232), список которых составлен на основе 3-х методов: метода цепочки словарных дефиниций, метода сплошной выборки из "Сводного словаря современной русской лексики" в 2-х томах, метода ступенчатой идентификации (Э. В. Кузнецова).

Иллюстративный материал исчисляется в 10 тыс. примеров. Выборка осуществлялась на материале русской литературы 20 века. Длина выборки составила 10 млн. словоупотреблений. При сборе материала учитывалась жанровая дифференциация лексики: общая частотность партитивов

складывалась из частотности употребления в 2-х группах текстов-источников (художественной литературе, включая прозу, лирику, драматургию, – 55 % ко всей выборке; научных и публицистических текстах – 45 % ко всей выборке).

Цели и задачи диссертации, а также многогранность объекта исследования обусловили применение широкого набора методов исследования. В качестве общего применялся дедуктивно-индуктивный метод анализа. При рассмотрении структурной организации лексико-семантического поля использовался метод компонентного анализа, а также экспериментальные приемы ранжирования элементов поля. При описании синтагматических связей партитивной лексики применялась методика контекстологического анализа, имеющая своей целью выявление и характеристику типовых условий реализации данных значений слов. При рассмотрении семантических процессов в лексико-семантическом поле использовался метод компонентного анализа и элементы статистического метода. Все названные методы применялись в плане синхронного описания материала.

Научная новизна работы обусловлена предметом исследования: диссертация является первым опытом описания ЛСП партитивной лексики, где делается попытка показать системные отношения партитивов, образующих данную микросистему и входящих составной частью в общую языковую макросистему лексики.

Теоретическая значимость работы. Проведенный анализ лексико-семантического поля партитивной лексики вносит вклад в разработку критериев зонного членения элементов, конституирующих аналогичные структуры; раскрывает возможности коммуникативной модели значения при системном описании функционирования единиц поля.

Практическая ценность исследования. Результаты работы могут найти применение в преподавании вузовских теоретических и практических дисциплин на факультетах филологического профиля – в частности, в спецкурсах и спецсеминарах при изучении раздела “Лексическая семантика русского языка”, в преподавании русского языка как иностранного, в научно-исследовательской работе студентов. Материалы исследования могут быть использованы в лексикографической практике, а также при решении задач автоматического перевода текста.

Апробация работы. Основные положения диссертации излагались автором в докладах на научных конференциях в г. Воронеже, Липецке, Москве, Твери, Ростове-на-Дону. По теме исследования имеется 10 публикаций, диссертация обсуждалась на заседании кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского госуниверситета.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, теоретической главы, трех исследовательских глав и заключения. В

приложении дается эскизная модель поля, список литературы, список использованных словарей, список произведений-источников.

Во введении устанавливается объект исследования и проводится его идентификация, обосновывается актуальность избранной темы, формулируются цель и задачи работы, определяются методы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования.

Идентификатор ЛСП партитивной лексики *часть целого* является многозначным, что обуславливает необходимость предварительного нахождения его инвариантного значения, определяющего состав, объём и структуру поля.

Во-первых, противопоставляются два значения идентификатора:

1) часть как отделённый или оставшийся в результате отделения от целого фрагмент, имеющий самостоятельное существование,

2) часть как структурный элемент объекта, существующий только в составе целого (партином).

Лексические единицы, идентифицируемые словосочетанием *часть целого* во втором значении, не поддаются перечислению и, следовательно, образуют открытую систему, так как любые формы и объекты действительности разложимы на составные части, имеющие, как правило, свою номинацию, (например, *батальон, рота, эскадрилья* – войсковые подразделения).

Во-вторых, разграничиваются такие два значения идентификатора, как 1) часть – отделённый или оставшийся в результате отделения от целого фрагмент, характеризующийся незаконченностью,

2) часть – отделённый или оставшийся в результате отделения от целого фрагмент, являющийся сам по себе отдельной целой вещью, предметом (конгломератив).

Единицы, идентифицируемые словосочетанием *часть целого* во втором значении, также представляют собой открытое множество, исключаящее какое-либо упорядочение, поскольку значения большинства отдельных предметов можно трактовать через названия частей целого. Семы "предмет", "функция" являются в данном случае более яркими, чем сема "часть" (например, *колода*² – обрубок бревна, приспособленный для какой-либо надобности).

В-третьих, разделяются следующие значения идентификатора:

1) часть – отделённый или оставшийся в результате отделения от целого фрагмент, получивший свою номинацию вследствие отделения,

2) часть – отделённый или оставшийся в результате отделения от целого фрагмент, имевший свою номинацию до отделения (партином с признаком партитива "отделённый"("оставшийся").

Лексические единицы, идентифицируемые словосочетанием *часть целого* во втором значении, составляют неограниченное множество, в связи с чем также не рассматриваются (например, *сломанная ветка*).

Таким образом, данные рассуждения позволяют заключить, что идентификация партитивной лексики, которая в отличие от партиномов и конгломеративов представляет собой относительно устойчивую и обзримую систему, осуществляется через идентификатор *часть целого* в значении "отделённый или оставшийся в результате отделения от целого фрагмент, характеризующийся относительной самостоятельностью, незаконченностью и отсутствием собственной номинации до отделения" (например, *обрубок* – часть, отделённая от целого объекта действительности и получившая в результате этого свое наименование). В структуре значений семем лексико-семантического поля партитивной лексики семы "часть", "самостоятельное существование", "незаконченность", "отсутствие собственной номинации до отделения" являются основными, постоянными, яркими. Указанные семы могут быть сведены к одному семантическому компоненту, обозначенному нами как "партитивность". Для ЛСП партитивной лексики семантический компонент "партитивность" является категориальной семой, или архисемой.

В первой главе ("Проблемы полевой организации лексики") рассматриваются наиболее общие вопросы теории семантических полей. Предпринятые в лингвистике широкомасштабные исследования различных семантических группировок (Й. Трир, В. Порциг, В. Г. Адмони, Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс, О. Т. Ревзина, А. В. Бондарко, Ш. Балли и др.) показали, что существует множество способов моделирования семантических подсистем.

Под парадигматическими полями понимаются самые разнообразные классы лексических единиц, тождественных по тем или иным смысловым признакам (семам или семантическим множителям). Критериями различения микросистем, к которым относятся лексико-семантические поля, лексико-семантические группы, синонимические ряды, антонимические пары, тематические группы, ассоциативные поля, могут служить следующие признаки: 1) языковая/неязыковая обусловленность связей между лексемами; 2) тип структурных отношений (коммутация – субституция) внутри микросистемы; 3) местоположение и тип идентификатора группы (В. В. Левицкий). Согласно данным признакам, лексико-семантическое поле определяется как микросистема, основанная на внеязыковых связях денотатов, элементы которой не могут заменять друг друга, а идентификатор представляет собой словосочетание, часто искусственное, не входящее в поле. ЛСП выделяется по одной общей семе, включает слова одной части речи.

Во второй главе (“Структурная организация лексико-семантического поля партитивной лексики”) проводится анализ парадигматических отношений конституентов ЛСП партитивной лексики.

Исследования последних лет по теории лексико-семантических группировок (Л. М. Васильев, П. Н. Денисов, Н.Г. Долгих, Ю. Н. Караулов, Полевые структуры в системе языка, Э. В. Кузнецова, А. А. Уфимцева, Ф. П. Филин, Г. С. Щур и др.) позволяют выделить сумму основных признаков, мотивирующих определение конкретной микросистемы как ЛСП: 1) представляет собой инвентарь элементов, имеющих семантическую общность, связанных между собой структурными отношениями, выполняющих в языке единую функцию; 2) способно члениться на ядро и периферию, имеет в своем составе определенное число микрогрупп; 3) характеризуется иерархической организацией составляющих его элементов; 4) имеет нечёткие, размытые границы между ядром и периферией, отдельными зонами периферии, различными микрогруппами; 5) осуществляет взаимодействие с другими ЛСП. Лексико-семантическое поле партитивной лексики является образцовой полевой структурой, так как обладает всеми ее признаками.

Ядро ЛСП партитивной лексики, к которому относятся лексические единицы, составляющие лексико-семантическую микрогруппу “Общие названия части целого”, обладает существенной особенностью, выражающейся в его делении на центр (*часть¹*), собственно ядро (*доля¹*, *остаток¹*, *частица¹*, *порция¹*) и особую, слабую, так называемую “анемичную” (термин Е. Ю. Ковалева) зону (*образец¹*, *образчик¹*, *проба²*, *толика*; *долька*, *остаточек*, *остача*, *частичка*). Определяющие черты ядерных элементов поля – абстрактный характер содержания и широкая сочетаемость. Центр и собственно ядро составляют наиболее многозначные слова, поэтому частотность партитивных значений, имея высокие абсолютные показатели, тем не менее ниже частотности самых частотных конституентов ближней периферии, для которых партитивное значение является основным и которые выполняют данную функцию однозначно. При рассмотрении внутригрупповых структурных отношений выявлено, что элементы собственно ядра *остаток¹*, *частица¹*, *порция¹* могут считаться гипонимами по отношению к центру ядра гиперониму *часть¹*, а семемы *часть¹* и *доля¹* находятся в нулевой оппозиции, в связи с чем интерпретируются как синонимы. Лексические единицы “анемичной” зоны обладают невысокой частотностью, но при этом, как центр и члены собственно ядра, имеют высоко абстрактное значение, что обуславливает потенциально широкую систему сочетаемости.

Периферия поля, включающая партитивы с конкретным содержанием, расчленяется на 9 лексико-семантических микрогрупп (парцелл), семантика конституентов которых дифференцирует значение

инвариантных ядерных элементов на основе главного семантического признака – субстанциональной принадлежности референта:

- 1) “Часть предмета и/или монолитного вещества” (178 единиц: *осколок, обломок* и др.);
- 2) “Часть волокнистого вещества” (13 единиц: *очески, накллина* и др.);
- 3) “Часть сыпучего вещества” (15 единиц);
- 4) “Часть пастообразного вещества” (13 единиц: *сгусток* и др.);
- 5) “Часть жидкого вещества” (14 единиц: *капля, брызги* и др.);
- 6) “Часть газообразного вещества” (Ø единиц);
- 7) “Часть неведественной субстанции, чувственно воспринимаемой человеком”: текста, звука, движения, света и под. (9 единиц: *отрывок, выписка*² и др.);
- 8) “Часть неведественной субстанции, воспринимаемой человеком в абстрактных образах” (Ø единиц);
- 9) “Часть капитала” (1 единица: *най*).

Парцеллярная архитектура ЛСП партитивной лексики характеризуется неравномерностью в лексическом покрытии поля и диспропорцией между отдельными его частями. Наиболее объемной (77 % всех единиц) и сложно структурированной является ЛСМГ “Часть предмета и/или монолитного вещества”, которая располагает последовательной и чёткой лексической репрезентацией, обусловленной наличием доминанты *кусок*, и занимает по функциональной значимости главное место в микроструктуре поля. Парцеллы “Часть волокнистого вещества”, “Часть сыпучего вещества”, “Часть пастообразного вещества”, “Часть жидкого вещества”, “Часть капитала”, “Часть неведественной субстанции, чувственно воспринимаемой человеком” имеют признаки некоторой ослабленности лексического выражения (наличие зональных лакун, невысокое количественное наполнение). Лексико-семантические микрогруппы “Часть неведественной субстанции, воспринимаемой человеком в абстрактных образах” и “Часть газообразного вещества” можно считать феноменами микроструктуры партитивной лексики, так как их периферийный состав определяется как Ø с потенциальной возможностью иметь положительное число периферийных конститuentов через переносы значений из ЛСМГ данного поля или других полей.

Между парцеллами находятся “области пересечения”, что объясняется широкими референционными возможностями некоторых лексических единиц (например, *фрагмент* (чего?) *оперы, скульптуры; хлопья*¹ (чего?) *снега, ваты*). Лексико-семантическую микрогруппу “Часть сыпучего вещества” составляют лексемы только данного вида.

Процедура описания структурных отношений внутри парцеллы демонстрируется на ЛСМГ “Часть предмета и/или монолитного вещества”,

для которой релевантными представляются такие дифференциальные денотативные семантические признаки, как "вещество", "прототип", "статус", "способ воздействия", "результат воздействия", "фактура края во линии воздействия", "фигура", "форма", "размер". Каждый из перечисленных признаков включает набор семных конкретизаторов, парадигматически противопоставленных друг другу. Например:

"прототип" ("артефакт", "натурфакт", "неспециализированный");
"статус" ("отделённая (часть)", "оставшаяся (часть)");
"результат воздействия" ("отломленная (часть)", "отпиленная (часть)", "отрезанная (часть)", "отрубленная (часть)", "оторванная (часть)", "отколотая (часть)", "обкусанная (часть)", "обгорелая (часть)", "обмытая (часть)", "подтаявшая (часть)", "неспециализированная (часть)").

Анализ коннотативного макрокомпонента значения семем является значимым, главным образом, при распределении их по зонам поля, поскольку задаёт количество периферизирующих сем.

Зональное распределение элементов, конституирующих ЛСП партитивной лексики, находится в зависимости от 3-х основных факторов:

- 1) уровня абстракции значения,
- 2) статуса архисемы поля в структуре значения семемы,
- 3) частотности употребления в речи.

К б л и ж н е й периферии относятся высокочастотные единицы с относительно высоким уровнем абстракции, в структуре значения которых архисема поля "партитивность" является центром ядра. К д а л ь н е й периферии относятся среднечастотные единицы, в структуре значения которых архисема поля "партитивность" является центром ядра; дериваты от конституентов ближней периферии; семемы с ядерной семой "партитивность", способной актуализироваться в коммуникативном акте. К к р а й н е й периферии относятся низкочастотные единицы, в структуре значения которых архисема поля "партитивность" является центром ядра; дериваты от конституентов ближней и дальней периферии; семемы о периферийной семой "партитивность", наличие которой создает потенциальную возможность актуализации в условиях конкретного речевого акта.

Как показал материал исследования, разделение полевого пространства не укладывается в рамки традиционного членения по 3-м зонам (ближней, дальней, крайней): внутри ближней периферии как наиболее компактной и обозримой из зон прослеживается градация 4-х иерархических уровней, или позиционных линий.

О нефиксированности, "диффузности" межзональных границ свидетельствует наличие единиц, занимающих промежуточное положение в структуре поля (группа слов-исключений *окурок, пень, щепка, крошка*¹

с частотным и сочетаемым показателями зон ближней и дальней периферии).

Количественное ранжирование семем по зонам дает основание считать ЛСП партитивной лексики системой, элементы которой тяготеют к периферии (ядро насчитывает 13 единиц, ближняя периферия – 17, дальняя – 42, крайняя – 160). Общее соотношение ядра, ближней, дальней и крайней периферии соответственно 6% : 7% : 18% : 69%. Таким образом, налицо общая закономерность структуры лексико-семантических полей – значительное преобладание периферии в целом над ядром (95% : 5%). Крайняя периферия намного превосходит по количественному составу другие области поля (70% : 30%). Наиболее частотная лексика сконцентрирована в зоне ближней периферии поля: из 5 тыс. всех партитивных употреблений на ядро приходится 10%, ближнюю периферию – 47%, дальнюю периферию – 25%, крайнюю периферию – 18%.

Существование данной полевой структуры обусловлено парадигматическими связями между конституентами поля, основанными на принципе идентичности содержания ядерных сем (В. Б. Гольдберг) и включающими достаточно ограниченное число известных видов (нулевые, эквиполентные, привативные оппозиции бинарного и многочленного характера).

Экспериментальное ранжирование лексем поля, дополняющее логический и частотный критерии, позволило объективировать распределение единиц в структуре поля и подтвердить психологическую реальность иерархической организации данной микроструктуры. Из списка партитивов были выделены три группы элементов:

группа 1: *часть, остаток, огарок, огарочек;*

группа 2: *часть, частица, капля, капелька, дождединка;*

группа 3: *часть, кусок, кусочек, ломоть, ломтик.*

Выделение групп происходило таким образом, чтобы каждый из элементов принадлежал отдельному уровню иерархии, то есть обладал большей или меньшей степенью абстракции по отношению к остальным элементам группы. В каждой из трех серий экспериментов информантам последовательно предлагались карточки с написанными словами одной из групп с устной инструкцией расположить их по вертикали таким образом, чтобы на верхнем уровне помещалось наиболее общее, по мнению экспертов, слово. В эксперименте приняли участие 100 человек – носителей русского языка, причем отбор интервьюированных производился с учетом представленности ими разных возрастов, разного социального статуса и образования. Подавляющее большинство информантов поставило на первое место слово *часть* (в группе 1 – 71 чел., в группе 2 – 66 чел., в группе 3 – 63 чел.). “Правильно”

расположили все слова в группе 1 – 44 чел., в группе 2 – 33 чел., в группе 3 – 27 чел. Результаты эксперимента хорошо согласуются с данными аналогичных экспериментов (А. Ю. Антомонов).

Таким образом, с точки зрения типологии полей лексико-семантическое поле партитивной лексики определяется как первичное, моноцентрическое, так как включает лексику предметно-понятийного типа, объединённую денотативной семой "партитивность"; имеет чётко выраженную доминанту *часть*, находящуюся внутри поля и задающую иерархический характер структурных отношений.

Третья глава ("Синтагматические отношения элементов лексико-семантического поля партитивной лексики") посвящена анализу структурно-семантической дистрибуции элементов ЛСП партитивной лексики.

Системный характер единиц, относящихся к лексико-семантическому полю партитивной лексики, проявляется в однотипности их синтагматических характеристик, что позволяет установить полевою модель сочетаемости. Для конститuentов данного поля сильными морфологическими позициями, создающими возможности для реализации категориальной семы, являются три инвариантные конструкции: "Партитив + Сущ. (род.)", "Прил. + Партитив", "Глаг. + Партитив".

В целом, партитивное значение является контекстно обусловленным, что проявляется в действии морфологического и лексического факторов – сочетании партитива с существительным в форме родительного падежа, выражающим в качестве несогласованного определения значение целого по отношению к части; сочетании партитива с прилагательным, реализующим значение субстанциональной или прототипной принадлежности объекта-части и значение признака по какому-либо качеству объекта-части; сочетании партитива с глаголом, обозначающим способ воздействия на целое, результатом чего выступает часть-референт данного партитива. Характеристика партитивной лексики с точки зрения синтаксического фактора не представляется системно значимой, так как партитивное значение не обусловлено синтаксической функцией.

Практическое описание контекстных окружений элементов ЛСП партитивной лексики осуществляется путем выделения подгрупп лексической сочетаемости в рамках каждой из указанных морфологических позиций: в морфологической позиции "Партитив + Сущ. (род.)" – на основании материального/нематериального аспекта значения; в морфологической позиции "Прил. + Партитив" – на основании материального/нематериального, временного, качественного и утилитарного аспектов значения; в морфологической позиции "Глаг. + Партитив" – на основании материального/нематериального и статусного аспектов значения.

Подгруппы лексической сочетаемости, выделяющиеся в рамках главной, системообразующей морфологической конструкции “Партитив + Сущ. (род.)”, отражают парцеллярное распределение партитивной лексики. Например: сочетание по общему семантическому признаку “монолитный” (*обломок самолета*), сочетание по общему семантическому признаку “жидкий” (*брызги воды*), сочетание по общему семантическому признаку “остенсивный” (*отрывок оперы*) и др.

На основании статистических данных лексическая сочетаемость конstituентов поля рассматривается в работе в 3-х видах: универсальная, ограниченная, потенциальная. Анализ специализированности партитивного контекста показал, что центр ядра поля *часть* и его синоним *доля* обладают универсальной сочетаемостью по всем трем инвариантным партитивным позициям; элементы ядра и периферии поля имеют ограниченную сочетаемость в зависимости от наличия в семной структуре значения определенных конкретизаторов общих семантических признаков: минимально ограниченная сочетаемость характерна для собственно ядра и “анемичной” зоны ядра, ограниченная в различной степени сочетаемость свойственна лексическим единицам различных зон периферии. Общая закономерность такова, что понижение уровня абстракции значения элементов к периферии поля соответствует повышению степени специализированности партитивного контекста, выявляя обратно пропорциональную зависимость. Партитивы с потенциальной сочетаемостью присутствуют на всех ярусах иерархической структуры поля, что свидетельствует о нерелевантности данной субкатегории для определения местоположения единицы по отношению к центру системы. Таким образом, степень специализированности партитивного контекста определяет зонную организацию партитивов.

В ходе исследования было обнаружено, что специфическим признаком партитивного значения является его синсемантичность, а значит, единицы с ярко выраженным данным параметром занимают центральное положение в структуре поля. Для иллюстрации этого положения сопоставлялось количество автосемантических значений (по отношению к общему количеству основных значений) отдельных лексических единиц, занимающих различное положение в иерархической структуре поля: элементы ядра – 0%, элементы ближней периферии – 3–13%, элементы дальней периферии – 40–100% (данные по зоне крайней периферии не приводились в связи с низкой частотностью её конstituентов). Следовательно, ярко выраженный релятивный характер имеют элементы ядра, далее – достаточно релятивными являются элементы ближней периферии: партитивные позиции в контексте данных

единиц выступают как важнейшие, обязательные и практически редко нереализуемые.

В четвертой главе (“Семантические процессы в лексико-семантическом поле партитивной лексики”) исследуются функциональные свойства конstituентов ЛСП партитивной лексики.

Как и в любой динамической структура, в лексико-семантическом поле партитивной лексики наблюдаются “горизонтальные” (внутриполевые) и “вертикальные” (межполевые) семантические процессы, характерные для существования данного поля как микросистемы в лексико-семантической системе современного русского языка. Механизм функционирования конstituентов лексико-семантического поля партитивной лексики и взаимодействующих с ним единиц выявляется в работе на основе принципов коммуникативной модели значения (И. А. Стернин) через анализ семных модификаций значений в коммуникативном акте.

К регулярным и достаточно частотным проявлениям “горизонтальных” семантических процессов относятся синонимия, сравнение, внутриполевое варьирование ЛСВ.

Разные семантические типы квазисинонимов поля участвуют в имплицативных преобразованиях, следствием которых является нейтрализация родо-видовых и видо-видовых семантических различий в позиции актуализации архисемы “партитивность”. Например: *...Как выплеснутая в воздух золотого чарка вина, что камушками, самоцветными **брызгами** горит в солнце, опадая **каплями** этими под ноги в грязь...* (А. Белый). Нейтрализуется компонент “разлетающийся от удара, всплеска, ветра”.

Как показал материал исследования, наибольшей интенсивностью семантических связей отличаются единицы, находящиеся внутри лексико-семантических микрогрупп. На границах парцелл связи ослабевают, но остаются достаточно сильными для сохранения единства поля. Например, партитивы в сравнительном обороте: *Спокойной и уверенной любви Не превозмочь мне к этой стороне: **Ведь капелька** новгородской крови Во мне – как **льдинка** в пенистом вине* (А. Ахматова).

Анализ внутриполевых семантических процессов варьирования ЛСВ поля партитивной лексики позволяет говорить о 2-х видах переносных употреблений. В первом случае лексемы соотносятся с референтами, принадлежащими к разным понятийно-тематическим микрогруппам ЛСП партитивной лексики (актуализируется архисема поля “партитивность” и определенный набор сем из состава значения), во втором случае лексемы соотносятся с референтами, не принадлежащими к референционным объектам данного поля (актуализируется определенный набор сем из состава значения без актуализации архисемы поля “партитивность”).

На основании приведенного в работе фактического материала (25 типов переносов значений) можно заключить, что переносные употребления 1-го вида различаются:

1) по масштабу (переносы внутри отдельной парцеллы и между парцеллами),

2) по направленности (каждая парцелла имеет свой пучок “входящих” и “выходящих” процессуальных линий),

3) по частотности (диапазон частотности от 0 до 155).

Данные параметры регулируются языковыми потребностями анализируемой микроструктуры. Так, внутрипарцеллярные переносы, осуществляющиеся посредством расширения значения, зафиксированы в рамках только двух ЛСМГ, представленных наиболее полно и разнообразно: “Часть предмета и/или монолитного вещества” и “Часть жидкого вещества”. (Например, перенос: часть продукта питания → часть любого монолитного вещества. *Средиземное море шевелится за **огрызками** колоннады, как соленый язык за выбитыми зубами* (И. Бродский). Актуальный смысл – “оставшиеся части, с неровными краями”.)

Самыми регулярными и частотными из межпарцеллярных переносных употреблений являются переносы направления “Части твердого, жидкого, пастообразного вещества, части капитала, невещественной субстанции, чувственно воспринимаемой человеком” → “Часть невещественной субстанции, воспринимаемой человеком в абстрактных образах” (43% всех переносов), достаточно регулярными переносными употреблениями можно считать переносы направления “Части твердого, пастообразного, жидкого вещества” → “Часть газообразного вещества” (11% всех переносов), что связано с необходимостью заполнения семантических лакун за счет соседних ЛСМГ (например: *Прошлое мое разорвано на **клочки*** (В. Набоков); *Ветер рвал в **клучья** жирный дым* (К. Паустовский). Парцелла “Часть газообразного вещества” имеет также второй путь пополнения – центростремительный процесс, идущий через семное варьирование прямого и переносного значения. Соответственно, обратное направление данных семантических процессов не реализуется в связи с отсутствием в данных ЛСМГ узуальных, собственно принадлежащих им членов.

Несоразмерность частотности проявления семантических процессов также характерна для направления “Часть предмета и/или монолитного вещества” → другие ЛСМГ поля: если члены ЛСМГ “Часть предмета и/или монолитного вещества” как главной, наиболее объемной парцеллы поля активно осуществляют переносы значений во все другие ЛСМГ (88% всех переносов), то обратное направление представлено только одной линией “Часть жидкого вещества” → “Часть предмета и/или монолитного

вещества” (например: *Тарелочные черепки **брызгами** разлетелись по углам комнаты* (К. Федин), что обусловлено самодостаточностью воспринимающей системы.

Представленный в работе векторный анализ межпарцеллярных переносов позволяет наглядно передать динамическую пропорцию данных процессов.

Переносные употребления 2-го вида являются переходным этапом к возникновению переносных значений партитивов, что характерно для центробежных процессов. Первым фактором в трактовке данного явления как переходного является его регулярный характер, вторым – возможность употребления партитивов этого вида для обозначения целых (нерасчленённых) объектов действительности. В работе рассматриваются переносы по форме, размеру, свойству вещества, статусу, прототипу, результату воздействия, коннотации, а также по группе данных признаков. (Например: *В светлеющем просторе неба дрожала чистой яркой **каплей** Венера* (И. Бунин). Актуальный смысл – "округлая, маленькая, яркая".)

В основу классификации “**в е р т и к а л ь н ы х**” семантических процессов положено два принципа: 1) направление действия процессов (центробежный и центростремительный процессы), 2) разделение условий номинации (прямая и переносная номинация). Межполевое варьирование партитивов и единиц взаимодействующих полей заключается в актуализации нового набора сем, обуславливающего экспликацию отдельного, самостоятельного значения.

Центробежный процесс I, связанный с семантическим варьированием прямого значения, идёт в двух направлениях:

1) по линии приобретения партитивами значения целостности (например: *Очень соленую кету можно предварительно отмочить **целым куском** в холодной воде* (Книга о вкусной и здоровой пище); дополнительная сема – "целый предмет");

2) по линии приобретения партитивами значения "составная часть целого" (например: *Целую локоть загорелый **И** лба **кусочек** восковой* (О. Мандельштам); речевая модификация семного конкретизатора "партитивная часть" в рамках семантического признака "часть целого").

Центробежный процесс II, связанный с семантическим варьированием, сопровождающим перенос наименования, идет по линии образования переносных значений. Анализ ЛСВ поля партитивной лексики дает основание для установления по крайней мере четырех направлений метафорического переноса, что позволяет выделить соответственно 4 типа переносных значений:

1. Перенос: неодушевленный объект → человек. (Например: *Не крадущимся перешибленным зверем. – Нет, каменной **глыбой** Выйду из*

двери – Из жизни (М. Цветаева). Дополнительная сема – "гордый, неприступный")

2. Перенос: часть целого → количество. (Например: *Проходили камеру новички, еще уберегшие крошки европейской свободы* (А. Солженицын). Дополнительная сема – "неопределённо малое количество")

3. Перенос: часть целого → множество объектов действительности. (Например: *А вместе со мной, как снежная лавина, катился всё увеличивающийся ком доносов* (А. Вертинский). Дополнительная сема – "совокупность, неопределённое множество")

4. Фразеологизация словосочетаний, содержащих в своем составе партитивную лексику. (Например: *Тяжело и обидно до слез, Разрывается сердце на части* (Г. Умывакина). Значение – "нравственно страдать, мучиться")

“Вертикальные” семантические процессы обуславливают различную глубину пересечения элементов ближайших микросистем, создавая сложную сеть взаимоотношений. На основании анализа центростремительных семантических процессов I и II можно заключить, что данные процессы определяют: а) пересечение с периферийной областью ЛСП партитивной лексики, б) пересечение с ядерной областью ЛСП партитивной лексики.

Поскольку периферия поля разделяется на несколько зон, выделяется уровень периферийной глубины проникновения единиц. Так, пересекаются с зоной крайней периферии поля партитивной лексики конкретные семемы, в структуре значения которых сема "партитивность" является периферийной семой, способной актуализироваться в коммуникативном акте (группы лексических единиц, обозначающих объекты вещественной субстанции определенной конфигурации); наведенной семой в процессе коммуникации (отдельные лексические единицы в условиях прямой и переносной номинации, совокупительные существительные ЛСП количества, конститутанты ЛСП образов множества); модифицированной семой в речевом акте (группы семем, обозначающих часть как составной элемент целого). Например: *Ветер срывал с воды клубы пара и уносил их в сторону* (Б. Губарев). Усилена ядерная сема "шаровидное очертание" и актуализирована периферийная сема "партитивность".

Пересекаются с ядерной областью ЛСП партитивной лексики абстрактные семемы, в структуре значения которых сема "партитивность" является наведенной семой в процессе коммуникации (периферийный элемент ЛСП количества *доза* в условиях переносной номинации); модифицированной семой в речевом акте (периферийные элементы ЛСП количества *половина, треть, четверть*).

Например: *Он ударил кулаком по столу, кусок сыра сломался, в руке осталась только половина* (Е. Замятин). Речевая модификация семного конкретизатора "составная часть" в рамках семантического признака "часть целого", поддержанная вербальной экспликацией.

Объём лексических пластов, участвующих в семантических процессах, является показателем результативности взаимодействия разных систем, что позволяет говорить о трёх видах таких взаимодействий: единичном, групповом, полевом. Если с ядерной областью ЛСП партитивной лексики пересекаются отдельные лексические единицы, то с периферийной областью взаимодействуют многочисленные пласты лексики разных объёмов. Приведенный в работе материал в достаточной мере подтверждает тезис о том, что именно периферийные участки лексики наиболее наглядно свидетельствуют о своеобразном проникновении одних слоёв лексики в другие.

Показательно, что в целом центробежный и центростремительный процессы представляют собой два симметричных семантических процесса не только по направленности, но и в содержательном плане. Так, центробежный процесс приобретения партитивами значения целостности имеет антипод в центростремительном процессе приобретения целыми объектами действительности значения партитивности; центробежный процесс образования в семной структуре партитивов значения количества и неопределенного множества сопровождается центростремительным процессом образования в семной структуре конститuentов поля количества и образов множества значения партитивности; центробежный процесс внесения в семемы партитивов модифицированного значения "составная часть" противопоставляется центростремительному процессу внесения в семемы со значением "составная часть" модифицированного значения "партитивная часть". В какой-то степени близки центростремительный и центробежный процессы приобретения разными словами окказиональных партитивных значений и приобретение партитивами различных значений посредством фразеологизации словосочетаний, содержащих в своем составе партитивную лексику. Нет обратного аналога у центробежного процесса образования переносных оценочных значений, денотаты которых отражают психологические качества человека. Устойчивость и симметричность большинства внешних семантических процессов указывает на диалектичность связей между посредствующими фрагментами языка, а также позволяет прогнозировать возможные семантические инновации.

В заключении обобщаются результаты исследования.

Положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Структура лексико-семантического поля наименований частей целого в современном русском языке // Тезисы 6-й межвузовской научной конференции молодых ученых. – Липецк, 1992. – С. 52.
2. О критериях выделения единиц лексико-семантического поля “Часть целого” // Тезисы 7-й межвузовской научной конференции молодых ученых. – Липецк, 1993. – С. 28.
3. К вопросу о внутренней организации лексико-семантического поля партитивной лексики // Язык, литература, культура: традиции и инновации: Материалы конференции молодых ученых. – М., 1993. – С. 28.
4. Наименования частей целого в современном русском языке и проблема их семантизации // Структурно-семантические исследования русского языка: сб. статей. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. – С.128–133.
5. Внутренняя организация лексико-семантического поля партитивной лексики / Глобина Л.В.; Воронеж. ун-т. – Воронеж, 1994. – 22 с. - Библиогр. 15 назв. Рус. – Деп. в ИНИОН от 21. 02. 94 г., № 48971.
6. Семантические процессы в лексико-семантическом поле “Часть целого”/ Глобина Л.В.; Воронеж. ун-т. – Воронеж, 1994. – 10с. – Библиогр. 11 назв. Рус. – Деп. в ИНИОН от 21.02.94 г., № 48968.
7. Полевой принцип в обучении иностранному языку // Новые идеи в преподавании иностранных языков: взгляд в будущее: Материалы научно-технической конференции. – Воронеж: ВИПКРО, 1994. – С. 33.
8. Наименования частей целого в современном русском языке и культура речи // Культура общения и ее формирование: Материалы научной конференции. – Воронеж: ВИПКРО, 1994. – С. 51.
9. Семантические процессы в лексико-семантическом поле “Часть целого” // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: Материалы 8-й Тверской межвузовской конференции ученых-филологов и школьных учителей. – Тверь, 1994. – С. 21–22.
10. Пересечение и взаимопроникновение лексико-семантических полей как способ существования лексико-семантической системы языка // Фундаментальные и специальные дисциплины в системе университетской многоуровневой образовательно-профессиональной подготовки филологов и журналистов: Тезисы межвузовской научно-методической конференции. Выпуск 2. – Ростов-на-Дону, 1994. – С. 46–48.

Заказ 2 от 5.01.94 г. Тир. 100 экз. Формат 60 x 90 1/16.
Объём I п. л. Офсетная лаборатория ВГУ